

Вселенная открыта для тебя, искатель.

1

ДОЛГ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

И я коснулся дна и, оттолкнувшись,
вверх поплыл на свет неведомых,
невидимых планет...

Старинная дэльская песня

Дважды в месяц, на новую и на полную луну, все жители Шолоха крепко запирают двери своих домов.

В это время смутные тени в тёмно-зелёных одеждах выходят в лес. Их неясные лица под глубокими капюшонами дышат золотом старинных гобеленов, а ярко-оранжевые фонари освещают им путь. Шаги незнакомцев легки: ни одна травинка не чувствует их тихой поступи. Всюду царит безмолвие. Не крикнет птица, не шелохнётся листва старой ивы.

В такие ночи Шолох, столица Лесного королевства, безраздельно отдан духам.

Мы называем их бокки, потому что на древнем наречии Восточных Пределов «бокки» означает «искра», «тайна» и «непостижимое».

Бокки бродят по всему городу. Они кружат по дубовым рощам, выходят на центральные улицы, спускаются к бурным водам реки Нейрис. Иногда они подолгу стоят под окнами того или иного дома, и только фонари со скрипом раскачиваются на ветру.

Никто не смеет нарушить дозор бокки-с-фонарями.

Нельзя препятствовать их скорбным прогулкам. Они — егеря старых королей, важнейшая часть нашей истории. Признавая право бокки на две ночи в месяц, мы будто сни-

маем шляпу перед богами-хранителями, без которых Шолох никогда не стал бы Шолохом.

Но... как быть, если дух уже битый час топчется на твоей клумбе и колотит, колотит, непрестанно колотит в окно фонарём?

— Вот зараза! — Кадия поднялась из кресла и потопала к нарушителю спокойствия. От обжигающего чая нос подруги раскраснелся, оттеняя её пшеничную шевелюру.

— Эй, ты, призрак! — Кад ткнула пальцем в стекло. — А ну брысь отсюда!

Ноль эффекта. Бокки по ту сторону продолжал бесчинствовать.

Хотя я на его месте поумерила бы пыл: Кадия страшна в гневе. Писаная красавица, стражница, дочь высокопоставленного чиновника и просто боевая натура, она кому хочешь задаст жару. Будь он хоть трижды «непостижимый».

Я тоже с любопытством подошла туда, где спальня обрывалась в ночь. За панорамным окном во всю стену, выпуклым, как аквариум, мир духов плыл под толщей волшебства.

И только бокки всё стучал. Вот сумасшедший дятел!

— Что будем делать? — прикинула я.

— Не обращайтесь внимания! Тогда ему, наверное, надоест, — предложил Дáхху.

Дахху — это третий и последний из нашей дружной компании.

8 Сейчас он полулежал на диване, и длинный полосатый шарф обматывал его шею свободными петлями, свисая чуть ли не до пола. Дахху дотошно изучал передовицу «Вострушки» (лучшая столичная газета, печатается под редакцией Анте Давьера). В новостях не было ничего интересного, но Дахху, знаете ли, педант.

И, думаю, он прав насчёт бокки. Я кивнула и наглухо задрнула шторы.

— Вот и славненько! — одобрила Кадия, когда глубокий синий бархат приглушил истерику духа.

Подруга с размаху плюхнулась на грушеподобный пuf, схватила миску с виноградом и продолжила учиться ловить

ягоды ртом — с подброса. Получалось ужасно! Половина трагически улетала на пол, но Кадию это не смущало. Её вообще немного могло смутить. К сожалению.

Кстати, да, я же не объяснила.

Дахху, Кадия и я — бывшие однокурсники. Семь лет мы втроём жили у строгого наставника, магистра Орлина, получая достойное аристократов высшее образование. Но, на мой взгляд, главным, что каждый из нас обрёл за эти годы, стали вовсе не знания, а настоящие друзья. Те, за кого держишься крепко, как за шток-мачту во время шторма. И кому легко прощаешь минное поле из винограда на своём ковре.

Мы с ребятами часто собираемся на совместные ночёвки у меня дома.

Вечеринки всегда проходят одинаково: мы болтаем обо всём на свете, потом кого-нибудь тянет танцевать, и мы пляшем, будто бешеные кочевники, а ближе к утру заваливаемся спать, и по комнате долго летают уютные шепотки: «Ты уже уснула?», «Дахху храпит, зараза», «Давай ему лимоном на язык капнем?».

И ни разу ещё в нашу тесную компанию не пытался врываться чужак. Тем более такой неожиданный и рьяный, как бокки-с-фонарём.

Стук фонаря о стекло всё ещё слышался, но тихо. Я вернулась к своему занятию: подошла к камину и стала технично рвать письма, пришедшие за год. Обрывки официальных бумаг — сплошь отказы в приёме на работу — мёртвыми мотыльками падали по ту сторону витой решётки. Будет холодный день — разожгу огонь и спалю всё это к праховой бабушке.

— Тина́ви, а что с твоим последним заявлением? — вдруг с набитым ртом спросила Кадия.

Я изобразила, что не слышу.

— Тина-а-а-ави! — пропела подруга.

— Каким из них? — неохотно буркнула я.

— На должность тренера по тринапу¹ в Академию.

¹ Тринап, то есть «трижды-на-пригорке», — командная игра с мячом, лассо и битами, известная как национальный спорт Лесного королевства.

Мой взгляд скользнул к остаткам конверта в глубине камина. Я пожала плечами:

— Моя кандидатура им не подошла. Вы бы видели, как перекосило ректора Шэвлиса, когда я призналась, что теперь я магическая калека. Я уж думала — инсульт! Откачивать его собралась...

Кад нахмурилась:

— Да перестань ты называть себя калекой! Магия не часть тела. Её потеря не сравнима с физическим увечьем. И учитывая, где я работаю, я знаю, о чём говорю.

— Заметь — ты работаешь. А я — нет. Ни одному приличному месту в королевстве не нужны отбросы общества.

— Хей, госпожа Страждущая, следите за языком!

Я раздражённо дёрнула плечом и отвернулась к книжному шкафу. В зеркале на полке отразилось, как Дахху таращит глаза и знаками показывает Кадии, чтобы она сменила тему. Деликатный ты мой...

— Знаешь, Кад, даже если я стану грубой, как сапожник, это не сделает ситуацию хуже. Потому что хуже просто некуда. Дахху нередко гундит, что в Лазарете ему дают мало свободы для творческого самовыражения, ты жалуешься на большие нагрузки в корпусе стражи, а я даже в такие моменты думаю, что хотела бы оказаться на месте любого из вас. Лишь бы не быть на своём, где передо мной одна за другой захлопываются все некогда широко открытые двери карьерных перспектив — и у меня нет никакой возможности это предотвратить. И всё из-за одной оплошности в выпускную ночь!

Я запнулась. Потом с горечью продолжила:

10 — Ситуация с должностью тренера в Академии меня просто добила. Казалось бы, ну какое значение для преподавания спортивной дисциплины может иметь отсутствие магии? Но всё-таки я получила отказ. Несмотря на мои многочисленные медали, превосходный диплом и, прах бы её побрал, стопку рекомендаций. Вот они, сплошные плюсы жизни в колдовской столице! Больше идей о достойном трудоустройстве у меня нет. Так что: добро пожаловать на дно, Тинави из Дома Страждущих! — Я театральным жестом распростёрла руки и поклонилась.

Перехватив мой взгляд, Дахху сочувственно блеснул глазами из-под темно-шоколадной, в цвет волос, шапки. Зима на улице или начало мая, как сейчас, — Дахху из Дома Смеющихся почти никогда не расстаётся с вязаными аксессуарами. Богемный шик? Да нет! Скорее нехитрый способ спрятать шрамы на шее, полученные в детстве. И седые пряди на макушке.

Кадия же ринулась в бой: выкарабкалась из мягкого пуфа, засасывающего, как зыбучие пески, подошла ко мне и ободряюще потрепала по плечу. Жест получился воистину материнским: Кадия выше меня на голову.

— А ну, отставить грусть! Надо продолжать бороться! Бороться до конца! — патетически заявила она, как на трибуне выступала.

И, следуя её завету, со стороны окна послышалось настолько отчаянное, страшное звяканье стекла о стекло, что мы втроём подпрыгнули.

Дахху мигом отбросил газету, подбежал к окну и дёрнул за бархатную верёвочку, отчего шторы со скрипом разъехались в стороны. За ними, как на театральной сцене, снова возник бокки-с-фонарём.

На этот раз пустое лицо призрака оказалось в пугающей близости: оно почти прижималось к стеклу. Туманный подол зелёного плаща змейкой обвивался вокруг моих розовых кустов.

Смеющийся шумно сглотнул и хотел отступить, но мы с Кадией уже подпёрли его сзади. Ведь нам известно: любопытство веселее страха.

В стекле слабо светились наши отражения: задиристая Кад, носатик Дахху и моя глазастая физиономия. Между нами, будто мистический судия, мерцал стоявший по ту сторону бокки.

У лесного духа резко прибавилось энтузиазма. Теперь он колотил без остановки.

— Э-э... — сказала я. — Он так окно разобьёт!

— Да он там не один! — Отражение Дахху зашевелило полупрозрачным ртом. — Вон, от леса ещё идут.

Следующие пару минут мы во все глаза таращились на происходящее в саду. Музыкальное сопровождение в стиле «звяк-дзыньк-звяк-тыдыщ» добавляло сцене колорита.

Вдали, между густо растущих сосен, зажигались новые и новые огоньки — оранжевые искры в лесной прохладе, тихой и влажной, как речное дно. Призраки приближались.

Кадия озадаченно хмыкнула:

— Тинави, у тебя дома достаточно еды? Чувствую, придётся держать осаду!

Вдруг Дахху прильнул вплотную к окну, всматриваясь. У калитки творилось неладное: дюжина бокки столпилась там тесным кругом. Наш дух-первопроходец тоже развернулся и отправился к ним. Мне показалось, что нечто чужеродное закралось среди бокки. Я сощурилась. В зеленовато-зубких рядах мелькнуло что-то белое... Ещё раз, ещё...

— Ребята, а там может быть человек? — Мой голос неожиданно охрип.

— Да вряд ли... — протянула Кадия.

И тотчас мы поняли, что ни разу не «вряд ли». Среди бокки действительно затесался кто-то в белой одежде: он был плохо виден, но, судя по всему, отчаянно махал руками.

Дахху не стал махать в ответ и молча бросился в прихожую. Мы кинулись за ним.

В моей голове лихорадочно завертелись обрывки старых сказок: «Кто выйдет к бокки — того найдут через сорок дней под горой»; «Бокки коснулся Ши Лиардана, и мальчик обернулся чёрной птицей, после чего навсегда улетел в ночное небо». Или вот это, моё любимое: «Бокки поставил фонарь на землю и съел её живьём».

12

Что вполне могло оказаться правдой, потому что в Шолохе настолько уважают бокки и настолько боятся нарушить хлипкое магическое равновесие, помешав им, что никогда не изучают духов экспериментально. Только на расстоянии: через окошко и по книжкам.

А значит, на самом деле никто не знает, чем обернётся столкновение с бокки лицом к лицу.

В коридоре Кадия молниеносно сдёрнула с крючка мою битую для тринапа и пинком распахнула дверь. Мгновение спу-

стя она уже мчалась через лужайку, тонконогая и стремительная, как зубастая цапля Рычащих болот. Дахху семенил следом, стараясь не расплескать собранное в ладонях заклятие.

Итак, прошу любить и жаловать: мои друзья — храбрые самоубийцы! Ладно Мчащаяся, она стражница и привыкла к тому, что может надрать задницу очень многим, но зачем доходяга Дахху из года в год суёт голову в самые узкие и безнадёжные петли — это для меня загадка.

Прихватив с вешалки зонтик — так себе оружие, но он хотя бы острый, — я выбежала за ними. Трава под босыми ногами была щекотной и влажной; сгустившаяся до черноты ночь пахла душистой сосновой смолой и цветочными лепестками. Полная луна просвечивала сквозь верхушки пиний, и в её неверном свете сцена, развернувшаяся в саду, напоминала шаманский обряд.

При появлении Кадии, которая с криками бежала в авангарде нашей маленькой армии, бокки начали медленно расходиться. Очень медленно, словно мёд, лениво уступающий воткнутой в него ложке. Мчащейся пришлось остановиться и грозно потрясать битой, не сходя с места, иначе бы она просто врезалась в неохотно разбредающихся духов. Серая пижама Кад издали казалась доспехами.

— Ну-ка пошли отсюда! Кыш! — Подруга разгоняла бокки, как кур на ферме. Как ни странно, призраки слушались: уплывали прочь с таким колоссальным спокойствием, будто всё было в пределах нормы.

Дахху подскочил к лежащему на земле пареньку. Возле того ещё отиралась пара бокки, но вошедшего в раж Смеющегося это не смутило. Он прошмыгнул мимо духов, предупредительно приоткрыв ладони с бурлящим заклятием, и был таков. Я выставила зонтик на манер щита и стала оттеснять запоздавших бокки в сторону.

Впрочем, те всё равно не собирались оставаться в обществе таких негостеприимных хозяев, как мы. Чуть ли не откланявшись напоследок, они растворились вдаль, сопровождаемые лесными огоньками.

Виновником нашей неурочной вылазки оказался подросток лет двенадцати. Невысокий, с лицом правильной овал-

ной формы, он свернулся на траве калачиком и лежал, подложив руку под голову. Уютненько так лежал. Ярко-каштановые волосы с лёгким красноватым оттенком (совсем как у меня) завивались на кончиках. Курносый нос побледнел, созвездие из родинок темнело на щеках, а белый комбинезон мальчика был перепачкан зелёными стрелами разнотравья и земляной крошкой.

— Он жив? — напряжённо уточнила я у Дахху.

Смеющийся попытался нащупать у незнакомца пульс. Шапка Дахху съехала набекрень, фисташковые глаза блестели от адреналина.

— Да, — облегчённо выдохнул он. — Ещё как жив.

— Тогда затащим мальчишку в дом. — Я огляделась. — Вдруг духи вернуться?

Мы втроём подхватили «жертву» на манер мешка с песком и заторопились в сторону коттеджа, провожаемые взбудораженным шёпотом ветра в древесных кронах. Когда мы огибали благоухающий куст чубушника, растущий возле самого крыльца, я увидела, как из кармана мальчишки что-то выпало.

— Донесём, я потом подниму, — предложил Дахху. Наш спасённый был на удивление тяжёлым для своего телосложения.

— Он что, носит кольчужный жилет под рубахой? Откуда столько килограммов? — пропыхтела Кадия, но мгновение спустя, непочтительно ткнув мальчишку пальцем в грудь и тем самым проверив свою гипотезу, озадаченно вывела: — Хм, ничего нет.

14 Мы внесли мальчишку в гостиную, пропитанную запахом инжирного пирога и кофе, встретившую нас мягким светом магических ламп с травой осомой. Увидев незнакомца, мой филин Марах — домашний питомец — встопорщил перья и тревожно заухал в углу.

— Я мигом, — сказал Дахху и вышел обратно в ночь.

А когда он вернулся, его глаза были в два раза больше, чем обычно.

— До меня дотронулся бокки, — глухо сказал Смеющийся.

— Что? Как? Они же все ушли?!

— Один остался. Когда я поднял эту штуку, — Дахху кивнул на свою ладонь, на которой лежал непонятный металлический предмет фиолетового цвета, — бокки-с-фонарём уже стоял рядом. Он коснулся моего локтя и сразу пропал, но этой доли мгновения хватило, чтобы мне стало ужасно холодно. Ощущение было такое, будто меня укололи ледяной иглой.

Отдав мне вещицу мальчишки, Дахху закатал рукав и стал придирчиво изучать, а затем растирать свою руку. Я, нахмурившись, с сомнением приблизила к носу загадочный предмет.

Вещица представляла собой цилиндр, оканчивающийся широкой частью, похожей на абажур. Сбоку его перекрывало молочно-белое стекло, а посередине находилась мягкая на ощупь, круглая кнопка с изображённой на ней дверью. Я нажала на неё несколько раз, но ничего не произошло.

Хм. Какой-то артефакт?

Положив вещицу на стол, я снова посмотрела на Дахху. Теперь Смеющегося знобило.

— Возможно, ощущение холода — это нервное? — предположила я.

— Надеюсь. — Дахху передёрнуло. — Не хочу практиковать ампутацию на самом себе. Как раз на следующей неделе её проходить будем...

— Да ладно! Если ты не затынешь с исповедью, тебя мигом вылечат.

— Не думаю, что стоит рассказывать в Лазарете о случившемся: мне кажется, за выход к бокки мне сделают публичный выговор, если не что похуже.

— По-твоему, выговор страшнее потери руки?!

Кадия, рубанув по воздуху ладонью, прервала нашу дискуссию:

— Так! Народ! Давайте решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть некий мальчик без сознания, и лично я хочу привести его в чувство, чтобы понять, за каким прахом он попёрся гулять в полнолуние. Может, он вообще психопат какой-то и мы зря его спасли. Нужно срочно определиться с его добропорядочностью. Это наш долг перед об-

